

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АВАНТЮРИНЫ

Стефани
Бёрджис

Девочка-дракон
с шоколадным сердцем

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-34-053.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б48

Stephanie Burgis
THE DRAGON WITH A CHOCOLATE HEART

First published in Great Britain in February 2017
by Bloomsbury Publishing.

Печатается с разрешения литературных агентств
The Bent Agency и *Andrew Nurnberg*.

Перевод с английского *Юлии Капустюк*

Бёрджис С.

Б48 Девочка-дракон с шоколадным сердцем: [повесть] / Стефани Бёрджис; пер. с англ. Ю. Капустюк — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 288 с. — (Приключения Авантюрины).

ISBN 978-5-17-104774-0

У юной драконихи по имени Авантюрина, живущей в горной пещере, храброе сердце. Чтобы доказать свою смелость и решительный нрав, она покидает родительский дом и отправляется на поиски приключений. Но бедной Авантюрине не везёт: коварный маг превращает её... в самую обычную девочку. Никаких больше острых клыков, широких крыльев и огня, извергающегося из пасти... Одно только храброе сердце. И новая страсть — шоколад!

УДК 821.111-34-053.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Text copyright © Stephanie Burgis Samphire 2017
Illustrations copyright © Freya Hartas 2017
Cover illustration by Claudia Carls © Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2017
© Ю. Капустюк, перевод на русский язык, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-104774-0

*Посвящается Джейми Сэмфайру.
Я люблю тебя даже больше, чем шоколад!*

ГЛАВА 1

Не могу сказать, что я когда-нибудь задумывалась о том, каково это — быть человеком. Зато мой дедушка Гренат всегда повторял: «Безопаснее не разговаривать со своей едой», а, как известно каждому дракону, люди — самая опасная разновидность пищи из всех существующих на свете.

Я — дракон молодой, и всё, что я успела повидать человеческого, — это драгоценности и книги. Украшения были прелестны, а вот книги меня жутко раздражали. Пустая трата чернил! Как я ни старалась и ни щурилась, у меня никогда не получалось продвинуться дальше первых глав непонятного, корявого текста. В последний раз, когда я пыталась это сделать, я так расстроилась, что превратила

в пепел три книги, злобно полыхнув на них огнем.

— У тебя что, совсем нет возвышенных чувств? — спросил мой брат, увидев, что я направила. Яшма собирался стать философом и всегда старался сохранять спокойствие, но когда увидел прямо передо мной дымящуюся кучу, его хвост угрожающе зашевелился, так что золотые монеты взлетели в воздух и осыпались дождем на дно пещеры.

— Только подумай, — сказал он, — каждая из этих книг написана существом, мозг которого размером с половину твоей передней лапы. Но, видимо, даже у них больше терпения, чем у тебя!

— Правда? — мне нравилось поддразнивать нашего благородного Яшму и выводить его из себя, и теперь, покончив со своими бумажными врагами, я была готова повеселиться. С тайным восторгом расправив чешуйки, я выпрямилась и сказала: — Думаю, у того, кто любит проводить время за чтением муравьиных каракулей, у самого мозг размером с муравья.

— Арг-г!

На радость мне Яшма устрашающе и яростно заревел, бросился вперед и приземлился прямехонько туда, где всего мгновение назад сидела я. Не будь я к этому готова, брат утопил бы меня в рыхлой горе бриллиантов и изумрудов, и мои ещё мягкие чешуйки могли бы сильно помяться. Но вместо меня туда угодила Яшма, а я весело запрыгнула ему на спину, ткнув его мордой в груду камней.

— Дети! — Мама приподняла голову, лежавшую на передней лапе, и страдальчески фыркнула, взметнув ещё целое облако монет. — Тут кое-кто пытается поспать после долгой и утомительной охоты!

— Я бы помогла вам охотиться, — сказала я, спрыгивая с Яшмы, — если бы вы разрешили мне пойти с вами.

— Твоя чешуя ещё не достаточно твёрдая даже для того, чтобы выдержать укусы волка. — Огромная голова матери опустилась обратно к блестящим золотисто-голубым лапам. — Не говоря уже о пуле или волшебном заклинании, — устало добавила она. — Может быть, лет через тридцать, когда ты повзрослеешь и будешь готова летать...

— Я не могу ждать еще тридцать лет! — взревела я. Мой крик эхом разнёсся по пещере, и где-то в дальних тоннелях нашего жилища дедушка и две моих тети заворчали спросонья, но я не обращала на них внимания. — Я не могу вечно сидеть в этой горе, как в клетке, никуда не ходить, ничего не делать...

— *Яшма* использует свои мирные годы, чтобы изучать философию. — Мамин голос звучал уже не устало; он стал холодным и жёстким, как алмаз. Её шея вытягивалась надо мной всё выше и выше, а огромные золотистые глаза сузились до двух опасных щелочек и смотрели в упор на меня, её непокорную дочь. — Другие драконы тоже нашли себе увлечения и занимаются литературой, историей или ма-

тематикой. Скажи мне, Авантюрина: тебе уже удалось найти своё увлечение?

Я стиснула зубы и заскрежетала когтями под кучей золота у моих ног.

— Уроки — это скучно. Я хочу исследовать и...

— И как, скажи на милость, ты собираешься общаться с существами, которых будешь встречать во время своих исследований? — сладким голосом спросила мама. — Или в изучении языков ты продвинулась дальше, чем я думаю?

Яшма тихонько захихикал у меня за спиной. Качнувшись, я обернулась и выдохнула в него клубом дыма. Брат даже не шелохнулся, его глаза светились от удовольствия.

— Я уже умею говорить на шести языках, — пробормотала я, повернувшись к маме.

Но поднять голову и посмотреть ей в глаза я не решалась.

— Сестра в твоём возрасте, — сказала мама, — говорила и писала на двадцати языках.

— Гм-м...

Я не осмеливалась фыркнуть в маму дымом. Но я бы с радостью направила его на Цитрину, если бы она была с нами здесь, в тесноте, а не жила далеко в идеальном, неповторимом, единственном в своём роде гигантском дворце. Цитрина сочиняла эпические поэмы, наполнявшие других драконов благоговением, и каждый, кто проходил мимо, кланялся ей, как королеве.

Никто не мог сравниться с моей старшей сестрой. Даже пытаться не стоило.

Я чувствовала, что мамин взгляд стал ещё жёстче, будто она прочла мои мысли.

— Язык, — сказала она, цитируя одного из любимых философов Яшмы, — это величайшая сила драконов, которая во много раз превосходит силу зубов и когтей.

— Знаю, — пробормотала я.

— Действительно ли ты это знаешь, Авантюрина? — Изогнув длинную шею, она опустила голову и посмотрела мне в глаза. — Храбрость — это одно, а безрассудство — другое. Ты можешь считать себя свирепым зверем, но за пределами этой горы тебе не прожить ни дня. Так что пора поблагодарить судьбу за то, что о тебе заботятся родственники, которые старше и мудрее.

Спустя две минуты мама уже забылась глубоким сном, наполнив пещеру тяжёлым свистом. Она дышала так спокойно и ровно, будто никакой ссоры не было и в помине.

— Ни дня? — прошептал Яшма, как только мама крепко уснула. Он стряхнул последние прицепившиеся к спине драгоценные камни и усмехнулся, показав все свои зубы. — Скорее — ни одного часа. А зная тебя — даже не более получаса.

Я сердито посмотрела на него, расправив крылья.

— Я могу отлично о себе позаботиться. Я крупнее и свирепее любого в этих горах.

— Но умнее ли? — фыркнул он. — Готов поспорить на всё золото в этой пещере, что даже волки превзойдут тебя в философских

спорах. А ещё они, скорее всего, не поджигают вещи каждый раз, когда проигрывают!

— Ох-хох! — закужилась я, щёлкая хвостом. Но выхода не было. Пещера была слишком узкой, и с каждой секундой стены, казалось, сдвигались ещё больше. Они теснились и давили на меня, стало трудно дышать.

И они хотят, чтобы я ещё тридцать лет торчала в этой горе и выслушивала родственников, отчитывающих меня за скуку?

Никогда.

В это мгновение я поняла, что нужно делать.

Но, что бы обо мне ни думали родные, я была не глупа. Я дождалась, пока Яшма перестал, наконец, дразнить меня и удобно улёгся с одной из своих человеческих книг — той, что я не спалила. Это был философский трактат, так что я не сомневалась, что в безопасности.

— Пойду прогуляюсь по тоннелям, — сказала я после того, как он перевернул когтем несколько страниц.

— М-м-м, — промычал Яшма, не поднимая головы. — Авантюрина, послушай только: один парень считает, что с моральной точки зрения нельзя есть мясо. *И рыбу!* Он не хочет причинять вред ни одному живому существу, поэтому ест только растения. Разве это не удивительно?

— *Удивительно?* Он умрёт с голоду! — Я испуганно заморгала. — Я же тебе говорила, что у этих людей вместо мозгов одни камни!

Но брат меня даже не слышал. Дым тоненькой струйкой умиротворённо струился из его

ноздрей, и он, урча от удовольствия, поднёс крошечную книжечку ещё ближе к глазам.

Я перешагнула через его хвост и двинулась навстречу свободе.

Грохочущий храп отдавался эхом в длинных тоннелях пещеры, где спали дедушка Гренат, тётя Турмалина и тётя Изумруда. К счастью, в это время дня, когда солнце в зените, тихий, немного шаркающий звук моих шагов никого бы не разбудил. Припав брюхом к земле, я протискивалась вверх по боковому тоннелю, который обнаружила два года назад. Для взрослых он был слишком узок, и они им не пользовались. На самом верху, прикрытый огромным валуном размером с мою голову, находился секретный вход в гору. Это было моё самое любимое место на свете.

Конечно, я уже давным-давно показала его Яшме, но сам он сюда никогда не приходил — только если я тащила его силой. Куда больше ему нравилось лежать с книжкой, свернувшись калачиком в пещере, или, аккуратно опуская в чернила длинный коготь, царапать бесконечные многословные трактаты.

Я любила бывать здесь одна. Я отталкивала валун, высовывала наружу кончик морды и так глубоко вдыхала свежий воздух, что в носу начинало покалывать, а потом смотрела, как над головой проносятся облака. Уходить дальше я никогда не осмеливалась, но здесь могла лежать часами, мечтая о том дне, когда мне наконец позволят расправить крылья и взмыть в бескрайнее небо.

Сегодня впервые в жизни я не собиралась ограничиваться мечтами.

Я хотела показать Яшме — и маме, — как хорошо я умею о себе позаботиться. Тогда у взрослых больше не будет повода держать меня взаперти.

С переполняющим меня волнением я плотнее прижала крылья к телу и рванулась навстречу миру и свободе.

Выбраться из норы оказалось труднее, чем я предполагала. Плечи застряли в отверстии, и от усилия я едва не взревела. Чтобы не закричать, мне пришлось прикусить губу и проглотить дым. *Наконец* я смогла освободиться — хоп! — вылетев как пробка из бутылки, упала на землю и заскулила от боли. Сложенные крылья так сильно поцарапались об острые камни, что в серебристо-малиновой чешуе появились рваные раны.

Что сказала мама? *«Твоя чешуя ещё не достаточно твёрдая даже для того, чтобы выдерживать укус волка...»*

Я заскрежетала зубами и с трудом поднялась на все четыре лапы, держа крылья наполовину сложенными. Я вздрагивала от каждого дуновения ветерка, но боль прошла.

Пытаться летать я сегодня не стану. Ничего страшного. Чтобы поймать добычу, мне летать не нужно.

Впервые в жизни надо мной раскинулся купол свободного голубого неба, и я тоже была свободна. У меня за спиной возвышалась зубчатая вершина горы. Передо мной простира-

лась поросшая лесом равнина. А между ними, спрятанные где-то в мятых предгорьях, бежали узкие каменистые тропы, которыми звери и люди ходили по своим ежедневным делам.

Ведомая запахом пищи, я стала спускаться по склону горы.